

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Искусство памяти в истории философской мысли

Автор (составитель)
доцент, канд. филос. наук

Малышкин Евгений Витальевич

Санкт-Петербург
2009 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
факультета философии и политологии СПбГУ

Составитель:

к. ф. н., доц. *Малышкин Е. В.*

Рецензенты:

д. ф. н., проф. *Соколов Б. Г.*

Пособие представляет собой основную часть учебно-методического сопровождения элективного курса «Искусство памяти в истории философской мысли». Данное пособие рекомендовано методической комиссией факультета философии и политологии СПбГУ для студентов, обучающихся по специальности «Философия» — 030101. Пособие содержит материалы, которые могут быть использованы студентами факультета при подготовке к текущим и итоговым контрольным занятиям по соответствующему курсу.

Искусство памяти в истории философской мысли

Содержание

1.	Организационно-методический раздел	3
2.	Формы текущего и промежуточного контроля	4
3.	Объем и распределение часов курса по темам и видам занятий	4
4.	Содержание курса.....	5
5.	Темы для самостоятельной подготовки	8
6.	Вопросы для самостоятельной подготовки	9
7.	Вопросы к зачету по курсу	9
8.	Рекомендуемые веб-ресурсы	10
9.	Литература по курсу.....	10
10.	Вводные методические замечания.....	11

1. Организационно-методический раздел

1.1. Место учебной дисциплины в профессиональной подготовке выпускника

Дисциплина рассчитана на студентов отделения философии, прослушавших основную часть базового курса по истории философии, курс логики, онтологии и теории познания. Данный курс не повторяет, но расширяет и конкретизирует проблематику смежных, выше перечисленных курсов, ориентируя изучаемый материал вокруг феномена памяти как модуса знания, социального института, человеческой деятельности и элемента культуры. Для успешного освоения данной дисциплины необходимы следующие компетенции:

- знакомство с основными понятиями и направлениями философской мысли (от античности до классической немецкой философии)
- умение самостоятельно анализировать тексты философского содержания
- коммуникативные навыки; умение не только делать доклады по указанной преподавателем тематике, но и самостоятельно ставить проблемы и предлагать способы их решения.

1.2. Цель изучения дисциплины:

В данном курсе проясняется техника и метафизические основания этого «мертвого» искусства, прослеживается его история, тематизируется различие между памятью естественной и памятью искусной, анализируется действительность этого искусства как в сочинениях мыслителей прошлого, так и в современных формах искусной памяти, к каковым следует причислить целый ряд культурных феноменов: от стратегий письма до правил городской застройки.

Особое внимание уделяется способности студентов самостоятельно вычленять мнемоническую организованность мыслительных и культурных пространств, разбирать знаки, направленные на необходимость помнить или забывать. Поскольку память связывается с необходимостью заботы о себе, одной из основополагающих целей курса является внимание к жизненному миру, к практикам, посредством которых мы вынуждены помнить или призваны забывать и к тому, как в повседневных мнемотехниках эстетическое и этическое сталкивается с метафизическим.

Данный курс адресован студентам, интересующимся проблемами современной культуры и направлен на выработку умения анализировать мнемоническую составляющую современных феноменов культуры. Под мнемонической составляющей в данном случае понимаются структуры, принуждающие к забыванию и памятованию, направленные на формирование различных форм идентичности (национальной, классовой, культурной и т. д.).

1.3. Задачи курса:

- рассмотреть метафизические, онтологические и культурно-исторические основания памяти;
- проследить историю искусства памяти в его классическом, готическом, герметическом и нововременном периодах;
- отличить естественную способность помнить, равно как и мнемотехнику от искусной памяти;
- указать на современные формы организации памяти и на перспективы обращения с этой формой сознания;
- показать принципы тематизации мнемонических практик в контексте культурного мироустройства и специфические формы их представления;
- рассмотреть современные медиатехнологии как технологии памятования/забвения

1.4. Приобретаемые знания и навыки:

- способность к анализу мнемонической составляющей феноменов современной культуры
- умение наблюдать за естественной, коллективной и вмененной памятью и возможность изменять ее направленность и детализацию
- освоение базовых техник искусной памяти
- умение обнаруживать мнемонической измерение философских и художественных произведений.

2. Формы текущего и промежуточного контроля

Промежуточный контроль осуществляется в следующих формах:

1. ответы на вопросы, предлагаемые на семинарских занятиях.
2. самостоятельная работа студентов по подготовке докладов.
3. двух небольших письменных сочинений, выполняемых студентами вне аудитории

Форма текущего контроля: зачет (промежуточные контрольные работы – 30%, активность на занятиях – 30 % зачет – 40%).

3. Объем и распределение часов курса по темам и видам занятий

№ п/п	Наименование темы	Аудиторные занятия	Самостоятельная работа	Общая трудоемкость в часах
1.	Введение. Постановка проблемы	2		2
2.	Память и трагическое повествование. Риторика как основа мнемотехники	2		2
3.	Искусство памяти в античности: память и душа	4		4
4.	Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании»	2		2
5.	Искусство памяти в Средние века	2		2
6.	Память и проблема начала в «Исповеди» Августина Блаженного	2		2
7.	Память как магия	4		4
8.	Герметическая память Джордано Бруно и память рамистов. Память и проект: утопия	2		2
9.	Подведение промежуточных итогов	2	2	4
10.	Память и ratio. Методичность ума как произведение искусной памяти	2		2
11.	Память как становление самости (self)	2		2
12.	Искусство памяти в структуре новоевропейского сознания	4		4
13.	Столкновение памяти и истории	4	2	6
Итого		34	4	38

4. Содержание курса

I. Введение. Постановка проблемы

Память как проблема. Одержимость памятью в современной культуре. Устоявшиеся метафоры понимания памяти: (1) хранилище, машина; (2) память как способность: память естественная и «культурная». Соотношение истории и памяти. Необходимость проследить историю становления искусственной памяти. Краткое изложение задач курса, описание методологии и точек следования.

Литература:

1. *Йейтс Ф. А.* Искусство памяти. СПб., 1998. Гл. I, II.
2. *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. Гл. 1, 2.

II. Память и трагическое повествование. Риторика как основа мнемотехники

Греческая трагедия и открытость теоретического знания. Открытие Симонида: страсть к выяснению начала. Герои памяти: Симонид и Эдип. Трагедия как подражание мифу. Положение зрителя в античном театре: понятие формы и осознание судьбы. Структурные константы трагического повествования: перипетия, анагнозис, патос. Цель трагедии — катарсис — как заботящееся самообращение ума. Трагическое «стояние»: мнемоническая практика и атрибутика.

Проблема отнесения памяти к прошлому. Элементы трагического и философского порядков изложения, направленные на приведение зрителя (слушателя) на необходимость узнавания себя. Риторика и искусная память. Софисты и Сократ.

Основная литература:

Софокл. Царь Эдип // Софокл. Драмы. М., 1990.

Ахутин А. В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия) // Ахутин А. В. Поворотные времена. СПб., «Наука», 2005.

Дополнительная литература:

Krois J. M. *Ars Memoriae, Philosophy and Culture: Frances Yates and After* // *Essays in Honor of Donald Phillip Verene.* Ed. Glenn Alexander Magee. Stanford, 2002.

III. Искусство памяти в античности: память и душа

Философия как привычка умирать и память как свидетель бессмертия души. Память как предмет мифологического повествования. Платон: память есть восстановление настоящего. Проблема образа (eikon) и отпечатка (typos). Память философов и память риториков (Федр). Память и прекрасное: сравнение онтологического статуса обеих процедур — припоминания и созерцания прекрасного. Внутренняя и внешняя техники: память и письмо. Память как свидетельница бессмертия души (Федон). Смерть и бессмертие как символы восстановления времени. Наднебесная сфера: мифологическое и умопостижение. Метафора рождения души: боль и страсть. Созерцание-в-прошлом и присутствие в настоящем. Аргументы о преимуществе внутреннего письма над внешним. Письмо как контрпамять.

Литература:

Платон Федр // Платон Соч. в 4-х т., т 2. М., 1993.

Платон Федон // Платон Соч. в 4-х т., т 2. М., 1993.

Хайдеггер М. Ницше. СПб., «Владимир Даль», 2006. Т. 1, гл. 1.

IV. Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании»

Тезис Аристотеля: память относится к прошлому. Об обладании и претерпевании в памяти. Память и воображение. Невозможность помнить о настоящем. Проблема: бытие образа и

бытие вспоминаемого. Аристотелево различие памяти и припоминания. Припоминание как силлогизм и телесные обстоятельства припоминания.

Задание для студентов. Ознакомьтесь с текстом трактата. Ответьте на следующие вопросы: чем память отличается от припоминания? Почему память — претерпевание? Почему память связана с прошлым? В чем состоит бытие отпечатка? В чем припоминание подобно силлогизму? Как память связана с телесной конституцией?

Основная литература:

Аристотель О памяти // Аристотель. Проптерик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб., 2004.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. Гл. 1, 2.

V. Искусство памяти в Средние века

Понятие *epimeleia*. Память и полис. Забота о себе: знание себя, память о себе и воспитание себя как политические дисциплины. Память как благоразумие и как припоминание (вечного) будущего. Память как внимание. Традиционные способы организации внимания. Правила для мест и правила для образов. Формирование различных правил для мест и образов. Мнемонические алфавиты. *Biblia pauperis*. Трактаты о памяти. Память о добродетелях и пороках. Странствующие ордена монахов: поиск мест для памяти. Данте и средневековая образность. Готическая образность как мнемоническая практика.

Литература:

Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб., 1997. Главы III-V.

Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-логос, вып. 1. М., «Прогресс», 1991.

Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб. Изд. «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005.

VI. Память и проблема начала в «Исповеди» Августина Блаженного

Память как опыт и память как начало. Августиновская иерархия хранимого в памяти. Диалектика памяти и забвения. *Vita beata*. Память как безмерное.

Основная литература:

Августин Аврелий Исповедь. М., 1991. Книга X.

Дополнительная литература:

Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб., 1997. Глава II.

Малышкин Е. В. Память и проблема начала в «Исповеди» Августина Блаженного // *Gratias Agimus*. Философско-эстетические штудии. СПб., 2007. Том 1. С. 142-152.

VII. Память как магия

Джулио Камилло и Венецианский Ренессанс. Театр Витрувия и театр памяти Камилло. Образность камилловского театра. Принципы действенности театра памяти. Солярная магия Камилло

Раймунд Луллий и герметическое сознание. *Ars Magnum*. Подвижная система памяти: луллиевы колеса.

Герметический Корпус как источник Ренессансного искусства памяти. Луллизм и каббализм. Рождение науки из магических *методов* Ренессанса. Образ магический и образ художественный. Художники памяти. Гуманизм и *mathesis universalis*. Гуманизм и проект научного переоткрытия памяти

Джордано Бруно: в поисках универсального знания. Сочинения Бруно. Тайна «Теней». Тайна «Печатей». Восприятие как узнавание и память как магическая операция. Новая религия Бруно: еретичество и смерть.

Основная литература:

Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб., 1997. Главы VI-XIV.

Дополнительная литература:

Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Менар Л. Опыт о происхождении герметических книг // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М., Киев, 2001.

VIII. Герметическая память Джордано Бруно и память рамистов. Память и проект: утопия

Магия и метод. Новая религия Бруно. Дж. Бруно и П. Рамо. Память и проективное сознание. Утопия: «Город солнца» Т. Кампанеллы как идеальный архитектурный образец мнемонической системы. Открытие Гуттенберга и расцвет магического искусства.

Литература:

Кампанелла Т. Город солнца. Любое издание.

Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб., 1997. Глава X.

Сергеев К. А. Ренессансные основания антропоцентризма, СПб., 1993.

IX. Подведение промежуточных итогов

Краткое резюме сказанного. Презентация графических материалов

X. Память и *ratió*. Методичность ума как произведение искусной памяти

Как память становится методом? Чем проект мнемонического преобразования души отличен от картезианского установления метода. Декарт о памяти. Спор Гоббса и Декарта о природе ума. Ум и новоевропейская телесность. Память и страх в метафизике Гоббса. Картезианский отказ от заботы о себе.

Основная литература:

Гоббс Т. Основ философии часть первая // Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. I, М., 1989.

Дополнительная литература:

Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. Лекция от 6 января. С. 13-57.

XI. Память как становление самости (self)

Новоевропейские проекты преобразования памяти: Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт. Переинтерпретация мира как *res extensa*: лишённость мест. Перспектива и пространство.

Дж. Локк и проблема памяти-хранилища. Различие *cogito* и *consciousness*: отношение к памяти. Длительность и (внутреннее) время. Эгология как эгография: порядок восприятия идей, *self*, *identity*. Принципиальная незавершенность тождества «я»: устранение субстанции, но и признание некоего рваного континуума сознания. Сознание производит (*makes*) тождество мысли. *Sameness* есть то же самое, что память. Что именно присваивает тот, кто говорит «я»? Память и власть.

Основная литература:

Декарт Р. Размышления о первой философии. Любое издание.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. Глава 3, I, 2.

Дополнительная литература:

Подорога В. А. Власть и познание // Власть (Очерки современной политической философии запада) М., 1989.

Krois J. M. Ars Memoriae, Philosophy and Culture: Frances Yates and After // Essays in Honor of Donald Phillip Verene. Ed. Glenn Alexander Magee. Stanford, 2002.

ХII. Искусство памяти в структуре новоевропейского сознания

Забота о себе и познание себя: память и мышление. Монадология Лейбница и открытие счисления бесконечно малых. Проект *универсальной характеристики*. Память как *cogito*. Эстетика восприятия как математика. Метафизика двоичного счисления как форма усовершенствования памяти. Память как обращение к случайным истинам: проект универсального счисления, принцип достаточного основания, различие реального и феноменального. Метафизический порядок и моральный порядок: первое обнаружение проблемы соотношения памяти и истории.

Основная литература:

Лейбниц Г. В. О способе отличения явлений реальных от воображаемых // Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х тт. Т. III. М., 1984.

Дополнительная литература:

Мальшикин Е. В., Кузницын Д. В. Трудный рационализм // Сретенский Н. Н. Лейбниц и Декарт. СПб., «Наука», 2007.

ХIII. Столкновение памяти и истории

Память и забвение в понимании Ницше. Обнаружение телесности. Воля к власти. Власть в современном мире. Бессубъектность власти. Память и власть. Забвение памяти как самостоятельного искусства: Бергсон, Фрейд. Диспозиция памяти и истории. Власть и медиа.

Литература:

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2-х тт., т. 2. М., 1990.

Бергсон А. Материя и память // Соч., Т. 1, М., 1992.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., «Владимир Даль», 2003.

5. Темы для самостоятельной подготовки

1. Память и судьба в античной трагедии
2. Память как разлад: платоновская концепция знания как припоминания
3. Аристотель о различении памяти и припоминания
4. Основные рекомендации по составлению памятных мест и образов
5. «Божественная комедия» Данте как мнемоническая система
6. Раймунд Луллий и проблема созерцания
7. Августиновское описание памяти
8. Театр памяти Джулио Камилло как символическое и как магическое пространство
9. Мнемонические системы Джордано Бруно
10. Память как методическое описание ума
11. Лейбниц и проект *характеристики*
12. Ницшевское членение истории
13. Память как форма власти
14. Злоупотребления памятью

6. Вопросы для самостоятельной подготовки

1. Что есть судьба для античного героя? Чем судьба отличается от фатума?
2. Какова мнемоническая составляющая в положении зрителя античной трагедии?
3. Чем для Платона память философа отличается от памяти ратора?
4. Совпадают ли понятия припоминания и истины в платоновской метафизике?
5. Что такое хорошая система запоминания? Приведите примеры.
6. Что такое мнемонический образ? Чем он отличается от художественного? От магического? От просто знака?
7. Что такое плохая система памяти? Приведите примеры.
8. О чем призвана напоминать «Божественная комедия» Данте, если представить ее как систему памяти?
9. На что направлено Ars Magnum Раймунда Луллия?
10. Почему, следуя Августину, память и забвение можно отождествить?
11. В каких символических пространствах необходимо быть сведущим, чтобы Театр Камилло оказывал свое действие?
12. Что магического в Театре памяти Джулио Камилло?
13. Чего добивается Бруно, создавая многочисленные системы памяти? Почему система памяти не одна?
14. Как Декарт предлагает преобразовать искусство памяти?
15. Почему память, для Гоббса, не входит в состав философствующего ума?
16. Почему Лейбницевский проект *характеристики* следует назвать мнемонической системой?
17. Какие три типа истории выделяет Ницше?
18. Что есть коммеморация?
19. В чем состоит противоречие между памятью и историей?

7. Вопросы к зачету по курсу

1. Симонид и история открытия искусства памяти
2. Искусная память как часть риторики
3. Память и судьба в трагедии Софокла «Царь Эдип»
4. Знание как припоминание в метафизике Платона
5. Правила для мест и правила для образов
6. Средневековые трактаты о памяти
7. Августиновская классификация хранимого в памяти
8. Различие между памятью естественной и памятью искусной в ренессансном мышлении
9. Театр Памяти Джулио Камилло: структура и символика
10. Соляная магия и ренессансное искусство памяти
11. Магия и математика в ренессансном сознании
12. Проект памяти Джордано Бруно
13. Проект универсального счисления Г. В. Лейбница как мнемоническая система

14. Память и телесность в философии Ницше
15. История как забвение памяти: Фуко, Хаттон, Нора

8. Рекомендуемые веб-ресурсы

Электронные копии книг и статей, задействованных при изучении дисциплины, можно отыскать по следующим адресам:

<http://history.philosophy.ru.ru> (сайт кафедры истории философии, раздел «библиотека»)

www.malyshkin.narod.ru (личная страничка преподавателя, раздел media)

<http://topos.ru/article/1361> (статья Елены Григорьевой «Медитации на могильцах»)

9. Литература по курсу

Основная

Августин Аврелий Исповедь. М., 1991.

Аристотель О памяти // Аристотель. Проптерик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб., 2004.

Ахутин А. В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия) // Ахутин А. В. Поворотные времена. СПб., «Наука», 2005.

Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб., 1997.

Платон Федон // Платон Соч. в 4-х т., т 2. М., 1993.

Платон Федр // Платон Соч. в 4-х т., т 2. М., 1993.

Софокл Царь Эдип // Софокл Драмы. М., 1990.

Дополнительная

Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. В кн.: Античность и Византия. М., 1975.

Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб. Изд. «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005.

Баткин М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Бергсон А. Материя и память // Соч., Т. 1, М., 1992.

Бибихин В. В. Наш Ренессанс // Бибихин В. В. Новый Ренессанс. М., «Наука, 1998.

Бруно Дж. О Магии // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. М., 1950, вып. 1.

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. Б.С.Г.-Пресс, Москва, 2005.

Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии № 4, 1990.

Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. I, М., 1989.

Горфрункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.

Йейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.

Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х тт. Т. III. М., 1984.

Лорейн Г. Суперпамять. Развитие феноменальной памяти. М., «Эксмо», 2005.

Мальшикин Е. В. Память и проблема начала в «Исповеди» Августина Блаженного // Gratias Agimus. Философско-эстетические штудии. СПб., 2007. Том 1. С. 142-152.

- Мальшикин Е. В., Кузницын Д. В.* Трудный рационализм // Сретенский Н. Н. Лейбниц и Декарт. СПб., «Наука», 2007.
- Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации // Квинтэссенция. Философский альманах 1991. М., 1992.
- Менар Л.* Опыт о происхождении герметических книг // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М., Киев, 2001.
- Мифы народов мира. В 2-х т. М., 1980
- Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2-х тт., т. 2. М., 1990.
- Подорога В. А.* Власть и познание // Власть (Очерки современной политической философии запада) М., 1989.
- Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., «Владимир Даль», 2003.
- Свасьян К. А.* Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше. Соч. в 2-х тт., т.1.М., 1990.
- Сергеев К. А.* Ренессансные основания антропоцентризма, СПб., 1993.
- Сергеев К. А., Кауфман И. С.* Спиноза: пантеизм как система // Спиноза Б. Сочинения. Т. I. СПб., «Наука», 1999.
- Топоров В. В.* Эней — человек Судьбы. М., 1996.
- Философский энциклопедический словарь М., 1983.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социо-логос, вып. 1. М., «Прогресс», 1991.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Ницше. СПб., «Владимир Даль», 2006.
- Casey E.* Remembering. Indiana Univ. Press, 2000.
- Krois J. M.* Ars Memoriae, Philosophy and Culture: Frances Yates and After // Essays in Honor of Donald Phillip Verene. Ed. Glenn Alexander Magee. Stanford, 2002.

10. Вводные методические замечания

Привычным образом мы всегда уже знаем, что такое память. Она не представляет для нас проблемы, даже тогда, когда нам ее не достает. В таких случаях мы обращаемся к тому, что помогает вспомнить, к технике. Техническим пособием памяти может служить книга, или звонок знакомому, компьютер, мобильный телефон или другой какой гаджет. Память всегда технически оснащена. Мы с удовольствием перекладываем необходимость помнить на технические приспособления, более того, даже предпочитаем память докупить, чем полагаться на своё собственное усилие вспоминания — не потому, что так «удобнее», но потому, что технически устроенная, заведомо обезличенная память — это то, что востребуется в первую очередь. Однако ближайшее рассмотрение памяти должно уводить нас как раз во вторую очередь, в то, посредством чего наши мнемонические приспособления оказываются пригодными — ведь они таковы только в уже как-то истолкованном, понятном мире.

Передоверяя память сподручным вещам, мы им передоверяем и понимание того, что есть наша память. Мнемонические вещи, как правило, недешевы: мы тратим средства и время не только на их приобретение, но и на овладение и на уход за ними, мы боимся их потерять, без них мы как без рук. Мы действительно способны потерять память, лишившись привычных предметов! Забота о вещах памяти — это и есть забота о собственной нашей памяти в ее понятной, совместно разделяемой форме.

В нашей курсе мы не будем рассматривать, как освободиться от подобной «зависимости», напротив, мы попытаемся понять, а какое именно понимание памяти вписано в наши приспособления и отделяются ли памятные вещи нас от нашей способности помнить. Мы

рассмотрим, другими словами, по каким законам и правилам осуществляется наша связь с самыми близкими, порою неприметными для нас вещами.

Здесь мы подходим к *первому тезису* нашего курса: мнемонические приспособления не столько сами определяют нашу способность помнить, сколько выражают уже свершившееся понимание памяти. Электронные счетные устройства существовали не всегда, но всегда были предметы и/или техники, наращивающие нашу память. В данном случае бессмысленно спрашивать, что первично, телесные вещи или сознание, на них направленное: памятные вещи не существуют без того, кто будет вспоминать, точно так же и сознание без специфически обустроенных вещей не может помнить о том, на чем способно сосредотачиваться в их окружении, сам образ помнящего очерчивается способами и предметами за/вспоминания. Ведь чтобы мнемоническая вещь действительно напоминала нам о чем-то или о ком-то, чтобы она «заработала», необходимо ее не только приобрести, но и изобрести. Изобрести, о чем и как она будет напоминать.

Такое изобретение памятного не остается постоянным, однажды свершившись. Оно должно воспроизводиться, причем само это воспроизведение — не произведение одного и того же, но каждый раз обращение к той «интимности» памятной вещи, в которой мы с ней совпадаем, составляем с ней нечто одно, но и это «одно» не неизменно. Оно меняется со временем и с различными событиями, происходящими вокруг памятной вещи, которая устраивает и обустривает место памяти. Память, другими словами — это событие совместности. Такое событие, которое меняет само место, впервые создает некое место как место особое, приметное, непростое. Память, таким образом, всегда имеет свою историю, она исторична. В литературе мы часто обнаружим противопоставление истории памяти. Так, П. Нора пишет: «Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюций и отношений вещей»¹. И все же, прежде этого различия, необходимо указать на общее, и такое общее мы будем обнаруживать генетически: память производит историю в том смысле, что делает свершившееся (даже если не с нами самими) узнаваемым, близким, таким, которое мы готовы сами длить, пусть даже и отвергая, поскольку отвержение — это тоже понимание. В этой генетической паре предпочтение первенства отдать нелегко, ведь насколько память длит историю, настолько история придает памяти формы, поскольку память и существует только благодаря событиям, разворачивающимся в истории. И все же память для нас всегда ближе истории и в этом смысле раньше. Более того, мы возьмемся утверждать, что память и порождает саму длительность, которая, в свою очередь, обуславливает понимание и восприятие исторического времени. Итак, мы обрисовали некоторую схему: память — длительность — время — история. Почему именно так? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, начав наш курс с экскурса в пространство древнегреческой трагедии, разворачивая свершившееся и потому вызывающее к себе пространство уже понятой памяти, пространство, в котором начинается само свершение теоретического, как оно устраивает себя в истории западной традиции мышления. Но нам еще необходимо сказать несколько слов о том, каким образом мы вообще намереваемся вести наше исследование.

Сегодня много пишут о памяти. Обилие попыток понять, что же такое память, свидетельствует прежде всего о том, что памяти нам недостает. Не в том смысле, что она по каким-то причинам оказалась фрустрированной, напротив, память сегодня, пожалуй, оснащена так хорошо, как никогда прежде. Фундаментальные проекты расширения памяти множественны и их успехи превосходят всякое воображение. Здесь нужно вспомнить и о многочисленных интернет-проектах, в которые вовлечены люди со всех уголков планеты, и об обилии музеев, где память, всякая память, в том числе и плохо понятая, находит свой угол, и о том, что искусное сегодня (а память немислима вне искусных своих образцов) стало предметом дизайнерского решения: событие эстетического больше не хранится благодаря силам

¹ Нора П. Франция-память. СПб., 1999. С. 20.

природным или, что в отношении памятуемого то же самое, историческим составляющим. Оно хранится благодаря человеческому решению. Как указывает М. Хайдеггер, «искусство вдвигается в горизонт эстетики. Это значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека»². С одной стороны, искусство перестало быть миметическим, с другой, указательная долговечность произведения искусства зависит не от природного самого по себе, не от того, собственно, на что оно указывает в открытости миру, которая всем дана и никому не принадлежит, но от усилия активного восприятия оснащенного особым *видением* субъекта, в котором искусство само себя впервые и проявляет и удерживает.

Память же, поскольку по необходимости опирается на эстетические пространства, также оказалась антропогенной. Она стала короче, но многочисленней. Памяти нам не потому недостает, что чего-то не хватает, напротив, мы помним слишком много, памятные пространства, настойчиво демонстрирующие необходимость нашего в них присутствия, разрастаются все активнее. Способы припоминания, к которым они обращены, как и памятуемые предметы, не связаны один с другим непосредственно понятным образом. Возможно, они вообще не связаны. Будучи вовлеченными в необходимость помнить, мы как следует не знаем об этой связи, память, утратив отчетливость связи с настоящим, становится поминанием, если воспользоваться термином П. Нора. Память перестала выполнять ту роль, к которой, казалось бы, предназначена: собирать разрозненное понимание к единому настоящему. Напротив, чем больше мы помним, тем менее цельными оказываемся. Казалось бы, есть верное решение, которое мы найдем еще у Августина³: если ты нарушил меру, то есть забылся, необходимо опомниться, вспомнить себя. Однако всякий, кто сегодня пытается вести себя внятным для себя самого образом, сталкивается с тем обстоятельством, что память бросает развернутый, многоступенчатый вызов всякой мере как соразмерности с осмысленным способом быть. Утрата центра, вокруг которого собирались бы события и их последующее осмысление, приводит к необходимости помнить все больше и больше. Как пишет П. Нора, «Невозможно предсказать, что надо будет вспомнить. Отсюда — запрет разрушать, превращение всего в архивы, недифференцированное расширение материального поля, гипертрофированное раздувание функции памяти, связанное именно с чувством ее утраты и соответствующее усиление всех институтов памяти»⁴. Такая утрата, впрочем, не является уникальной чертой «нашего» или какого-либо вообще времени: сама соотнесенность памяти ко времени является проблематичной (и составит особый пункт в нашем описании сущности мнемонического), следовательно, в любом времени и любой современности, сколь бы однородной она ни представлялась потомкам или предшественникам, Гамлетовское восклицание «the time is out of joint» будет справедливым. Напротив, сегодня мы, как никогда, быть может, раньше, можем вести речь о глобальных форматах памяти. Именно в силу привычки и потребности проективной деятельности для нас оказывается привычной такая вещь, как информация. Есть знание, есть мудрость, есть порядок предоставления и овладения знаниями, а есть такая небывалая вещь как информация. Что мы сегодня понимаем под этим словом, никто, пожалуй, внятно, объяснить уже не сможет. Любые наши движения души могут стать информацией, поскольку могут быть раскадрированы в той реальности, которая поддается массовому предъявлению. Мы обмениваемся информацией, мы признаем, что информация правит миром, мы даже пытаемся уже научить себя остерегаться лишней информации.

Когда мы обмениваемся информацией, то совпадение форматов, которое при этом происходит — форматов, разнесенных на расстояние личности, географии, социального положения и т.д. — такого совпадения форматов не было за всю историю. Информация, в отличие от знания, и по сходству с деньгами, не имеет сколько-нибудь авторитетного источника, поскольку «источник» сообщает только то, что мы уже готовы услышать, только такое, ко-

² Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М. 1993. С. 42.

³ О собирающей силе памяти см.: Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. Пер. М. Е. Сергиенко. С. 247.

⁴ Нора П. Там же. С. 30.

торое нас никак не сможет изменить — сам этот источник востребован благодаря усредненной неразборчивости форм сознания, истолкованности памятного, но сам никогда не является ни прибавлением знания, ни упрочением памяти.

Когда формат нашего совместного присутствия оказывается единым и единственным, информация оказывается властью. В ситуации единого формата присутствия мы все больше оказываемся зависимы от владеющего информацией — человек сегодня зависит не столько от природы, сколько от другого человека. Чем более информативен мир, тем более он хрупок. И распознавание взаимонесводимых начал памяти является, по-видимому, единственным условием сохранения самостоятельности мира.

Задача нашего исследования и состоит в том, чтобы прояснить не столько то, как нужно помнить, сколько то, каковы вообще классические образцы памяти. Причем отыскивать эти образцы мы собираемся в истории философии. Впрочем, если мы будем выдерживать строгость намеченной схемы исследования, то есть — продвигаться от памяти к истории, то попадем в круг, задействующий само существо нашей обращенности к истории, вернее, обращенности истории к нам: единственным способом отправлять историческое знание является память (в том числе и технически оснащенная), тогда как, если мы отказываемся от готового понимания существа памяти, мы лишены и возможности герменевтического проникновения в историю. И только постепенное обнаружение существа памяти вообще и искусной памяти — в особенности, позволит нам заново открывать соотношенность мыслящего и исторически так-то и так-то расположенного. Другими словами, единственным посредником между нашим пониманием истории и нашей вовлеченностью в нее является всегда-уже как-то свершившееся понимание памяти. Обнаружение этого посредничества, причем такое, которое указывало бы не столько на правильность/неправильность функционирования мнемонического, сколько на образцовость памятного (сколь бы, по неозабоченности или безыскусности, они ни были затёрты в свершающем их восстановление понимании) и составляет основную цель предлагаемого курса. Другими словами, именно закрытость того, почему помнить нужно именно так-то и именно то-то, позволяет заново продумывать существо памяти и его сердцевину — событие.